

Утром Зоя Сергеевна почувствовала себя лучше и решила поехать в город — кончались лекарства.

Можно было отдать рецепты Ольге, соцработнику, но что уж совсем в избе скисать. Съездит, походит хоть возле станции по магазинам, на жизнь посмотрит. Прикупить чего-нибудь вкусного надо — Новый год на носу...

До часу дня береглась, меньше шевелилась, стараясь не потерять редкое теперь состояние, когда ничего не давит, не ломит, ноги двигаются, в глазах ясно, грудь дышит.

Осторожно оделась в выходное, с боязливой медлительностью сняла с полочки сапоги, которые не обувала несколько месяцев. Но они не сохли, и ноги не распухли. Слава Богу.

Открыла шкаф, достала шубу, которой до сих пор гордилась. За сорок лет шуба поистерлась, лезла, но по-прежнему была ей дорога. Вся жизнь вспоминалась, когда вынимала её из чехла, тоже старого, напитанного пылью, которую не выбить, не выстирать, — вросшей в ткань пылью времени...

С каждым разом шуба становилась для Зои Сергеевны тяжелее и тяжелее, и сегодня она испугалась, что придавит, прижмёт к земле и не даст идти.

Но отважилась, надела и в этот раз, постояла, привыкая к ней. Прощлась немного — от шкафа до двери и обратно, — поняла: выдюжит.

Закуталась в платок, на платок нахлобучила твёрдую, будто кость, соболью шапку, пошитую по моде семидесятых, а сейчас смешную и нелепую. Зато, как и шуба, дорогую ей. Тёплую. Взяла потрескавшуюся кожаную сумку с документами, таблетками и ещё одной сумкой, тряпичной, для покупок, и вышла.

Замкнула избяную дверь, потом сенную, потом калитку, медленно, толкая вперёд то одну ногу, то другую всем телом, побрела по тропинке, похожей на туннель, меж снежных стен к остановке.

...Съездила благополучно. За два часа от прихода в город дневного и отхода из города вечернего автобусов успела выкупить лекарства, обойти несколько магазинов. Тряпичная сумка наполнилась сосисками, замороженными пельменями, куском копчёной горбуши, мягкими пряниками, пакетиком шоколадных конфет, мандаринками. Конфеты и мандаринки раздаст соседским ребятишкам тридцать первого числа...

Брала всего Зоя Сергеевна понемногу, но всё равно сумка быстро стала почти неподъёмной.

— Что ж, ладно...

Постояла, отдыхая, на крыльце “Ермолинских полуфабрикатов”. Смотрела на спешащих людей, едущие машины, на дома в пять этажей, пестроту рекламных вывесок.

Город был крошечный — разросшееся село, — но для Зои Сергеевны он давным-давно стал центром мира.

Сюда, в этот район, она приехала в девятнадцать лет, после окончания педучилища в Костроме. Где родилась, кто её родители, Зоя Сергеевна не знала. Её вырастили в детском доме, куда попала трёхлетней, весной сорок второго. Может быть, была из эвакуированных детей Ленинграда, может, ещё кем-то; потом, много десятилетий подряд, она слушала по радио передачи Агнии Барто и Левитана и ждала, ждала, что вот сейчас услышат, что ищут её, девочку по имени Зоя, которая была одета в бордовое пальто и белую вязаную шапочку, у неё родинка на левой руке возле локтя... Берегла сохранённые воспитательницами пальтишко и шапочку как доказательство, что это она. Но никто её не искал.

Приехала сюда по распределению, была направлена в деревню, учила детей. Вышла замуж, родились двое сыновей. Три десятка лет жили крепкой семьёй, а теперь — снова одна.

Дальше этого города она была один раз, в Костроме, на пятидесятилетии их выпуска. Сюда же ездила часто с мужем — отдохнуть от деревни. Сидели в молодёжном кафе, ходили в театр, хоть и любительский, но настоящий, ночевали в гостинице с ванной и унитазом, брали и возвращали в библиотеку книги; здесь Зоя Сергеевна рожала детей, здесь лежала в больнице, навещала в больнице мужа...

Рядом с автостанцией была столовая, и Зоя Сергеевна поела в ней. Когда-то брезговала есть не самой приготовленное, мутило от запаха общественной кухни, и вспоминался детдом, а в последние годы потянуло... Солянка оказалась вкусной, сытной, и второе — куриную грудку с картофельным пюре — она не доела. Выпила полстакана брусничного морса, посмотрела на часы. Пора.

Вечерний автобус был полон, но стоять не пришлось. Какая-то девушка уступила место.

— Спасибо, — изо всех сил стараясь выказать благодарность, что давалось ей всё труднее, сказала Зоя Сергеевна.

Место оказалось у окна. Внизу был обогреватель, и подмёрзшим ногам быстро стало тепло, хорошо. Но нашлось, о чём поволноваться, — пельмени в сумке наверхняка оттаивали. Слипнутся, и потом мучайся с ними...

Отодвинула сумку как можно дальше от обогревателя, подставила кондукторше льготную карточку, чтоб отметила своей пищалкой, и стала смотреть в окно.

Природа у них неживописная. Поля, поля, и лишь в редких колках — рощицы берёзок. Поля поделены снегозащитными полосами из тополей. Сейчас, в декабре, тополя совсем чёрные, страшные, как скелеты чудовищ.

И всё это — до самого горизонта, до самого горизонта. Равнинная Сибирь.

Их село, как и другие здесь, среди полей. Зелени мало, а теперь так вообще серое одноцветье. Скопление сухого дерева и строительного камня.

Попросила кондукторшу остановить поближе к дому. Та поворчала: “Не положено, нам за это выговор”, — но сказала что-то водителю, и тот кивнул. Кондукторша, в свою очередь, кивнула Зое Сергеевне.

Несла сумку, и с каждым шагом радовалась всё сильнее: дойдёт, и на этот раз смогла, значит, и ещё съездит, и ещё. Как нормальный, полноценный человек. Гордилась собой, очередной победой над немощью.

Вот уже прясла её поля под картошку — сейчас оно ровно покрыто снегом, а летом почти всё зарастает лебедой и свекольников. Ей картошки много не надо... Вот забор огорода, невысокий, с щелями; вот дотелепалась и до глухого забора, за которым двор.

Свернула к воротам и остановилась: сильно, но мягко, как подушкой по голове, ударила, оглушила перемена — чего-то, что привыкли встречать глаза, не доставало. Этого важного, а может, и главного теперь.

Минуту или несколько секунд, растянувшихся для неё до долгой минуты, Зоя Сергеевна старалась понять, чего же нет.

Не было ёлки в палисаднике. Была сорок лет, и вот исчезла.

Не веря себе, Зоя Сергеевна медленно подошла к изгороди. На снегу глубокие следы ног и проволоченных веток, зеленело несколько иголок, а на том месте, где росла ёлка, торчал пенёк и желтели крошечки опилок...

Зоя Сергеевна растерянно огляделась по сторонам. Улица была пуста, окна домов темны и безжизненны. Все, даже собаки, часто бегавшие на воле, казалось, попрятались и следили за её бедой. И деревня, ставшая родной за несколько лет жизни здесь, сразу стала чужой, враждебной, опасной.

Глотая едкие слёзы, текущие из глаз не на лицо, а внутрь, в горло, втащила в избу. Хватаясь за печку, буфет, стену, дошла до кровати. Упала на неё. И покатила то ли в сон, то ли в смерть, но вспомнила, что на полу осталась сумка, а в ней — пельмени.

Привыкнув отодвигать болезни, горе, усталость выполнением необходимых и срочных дел, поднялась, разобрала продукты, а потом уж легла. И снова покатила...

“Печку затопи, — потребовал какой-то, словно снаружи, голос, — вымёрзнет ведь, и околеешь”.

Но она мысленно отмахнулась: “И пусть теперь. Пора”. Лишь натянула поверх шубы край покрывала...

Не околела. Утром стукнули в дверь, а потом та закричала. Шаги.

— Тётъ Зой... — голос соработницы Ольги, прозвучавший и испуганно, и будто с облегчением.

Зоя Сергеевна открыла глаза. Поняла, что не спала. В другом каком-то состоянии находилась — не во сне.

Ольга вошла в комнату, повторила:

— Тётъ Зой...

Всматривалась в её лицо; Зоя Сергеевна шевельнула рукой, и Ольга жалобно улыбнулась:

— Живы? Слава Богу!

— Оля, они... — Зоя Сергеевна не знал, кто эти “они”, но ведь кто-то сделал это. — Они ёлку срубили.

— Ёлку?.. Ой, значит, вашу на площади ставят.

— Что? — К Зое Сергеевне стала возвращаться жизнь.

— Да на площади ёлку ставят. Я шла, ещё думаю, откуда такая... Вы не волнуйтесь, тетъ Зой, не волнуйтесь только.

Ольге было уже под пятьдесят, но Зою Сергеевну она называла так по привычке — тётей. А Зоя Сергеевна в последние годы старалась воспринимать её только как соработника, вообще хотела забыть прошлое, чтоб не мучить больную, старую, но такую живучую душу, хотя то и дело видела в Ольге девчонку, переходила с сухого общения к сердечному...

— Оля, послушай, — стала просить, — ты меня доведи туда. Пожалуйста.

— Сейчас? Давайте дом протопим, чаю выпьете. Вы ведь замёрзли совсем.

— Пойдём, Оля... пойдём...

Зоя Сергеевна не знала, зачем надо идти в центр села, смотреть на срубленную ёлку. Чтобы ещё сильнее расстроиться? Кому-то в глаза посмотреть?.. Но идти было необходимо. Как на прощанье с дорогим покойником.

Ночью выпал свежий снег, и опилок в палисаднике, бороздок от проволоченных веток видно не стало. Будто и не росло здесь ничего сорок лет.

Сорок, а вернее, лет сорок пять назад Зоя Сергеевна привезла из Костромы маленькую ёлочку. На память. Решили тогда с однокурсницами накопать ёлочек и развезти по всему Союзу, по тем уголкам, куда их разбросало.

Посадили вместе с мужем и сыновьями. Старшему было тогда девять, младшему — шесть... Поливать деревце было их обязанностью, чуть ли не главным делом всего детства. Без полива в их климате ёлка могла погибнуть за две недели.

Не погибла — вымахала высокой, пушистой. Давно нет старшего сына, нет мужа, четыре года назад умер младший, и ёлка осталась её единственным близким существом. Где-то есть внучата, но где они...

И опираясь на руку Ольги, как ей казалось, шагая, а на самом деле с трудом, медленно переставляя ноги, Зоя Сергеевна видела перед глазами одну и ту же картину, чёткую, словно это было сейчас, наяву: они вчетвером на тихом летнем закате вкапывают в землю крошечный колючий комочек. И муж учит сыновей: «Высоко ствол нельзя засыпать, а то погибнет. Вот, видите эту полоску? До неё надо. И поливать, поливать не забывайте. Ёлочки воду очень любят».

Муж постепенно старел, сыновья выросли, ёлка росла. И вот пережила всех, кроме неё... Не раз Зоя Сергеевна задумывалась, что вот она умрёт, избу, ветхую, с рассыпающимися завалинками и трухлявыми углами сруба, растащат на дрова, её место зарастёт крапивой, а ёлка будет расти ещё долго-долго. Кому она нужна, кому мешает... Только радуется взгляд вечной зелению.

— Передохнёте, тётя Зой? — спросила Ольга. — Совсем тяжело дышите.

— Ничего... дойду...

Дошла. Увидела на площади, которую окружали клуб, сельсовет и брошенный нынче кирпичный универмаг, свою ёлку. Её как раз наряжали двое парней. Один стоял на стремянке, другой подавал ему большие золотистые шары.

— Вам кто... Вам кто разрешил пилить! — крикнула Зоя Сергеевна.

Обернулись. Узнала — местные, она их учила, и муж учил. Она в первых классах, он потом — физике... Сейчас не помнила, как их зовут.

— Кто разрешил? — повторила, чувствуя, как её заливают раскалённый гнев, топя собой горе. — Воры!

— Чего — воры, — обиженно ответил один, со стремянки, и шар на шнуре в его руках закачался. — Нам Дмитрий Палыч сказал. Срочно, сказал.

— Кто это — Дмитрий Палыч? — Зоя Сергеевна растерянно повернулась к Ольге.

— Ну как — глава. Глава администрации. Дима Черногривов.

— Дима...

Ей представился Черногривов. Не таким, какой стал сейчас, а каким был в школе. Хорошо учился, хорошо себя вёл, был правильным и дисциплинированным... Окончил одиннадцать классов и поступил в институт. Потом где-то работал. Вернулся сюда лет пять назад — был назначен главой их села... Муниципального образования, как сейчас говорят.

Встречала его Зоя Сергеевна считанные разы — на улицу выходила редко, — но каждый раз он вежливо с ней здоровался. Как-то спросил про самочувствие, нужна ли какая помощь.

— Дима... Дима не мог... И не надо врать мне тут.

— Да вон он сам. Спросите.

Дима, Дмитрий Палыч, шёл к ним от здания сельсовета твёрдым, уверенным шагом. Снег повизгивал под его подошвами.

над этой мыслью, над тем, — что таким способом хочешь обмануть себя, вернуть душу, и всё же убеждала: вставай, оденься, выйди.

И вот собралась к тому часу, когда хлебовозка — старый “уазик”, прозванный “таблеткой”, — должен был проезжать по их улице. Услышала гудок, поднялась со стула, толкнула дверь.

Брела к машине, не глядя в сторону палисадника. Все силы вкладывала в то, чтоб не повернуть голову.

— О, Зоя Сергеевна, — обрадовался ей хлебовоз Виктор, — давненько не видно вас. Болели или уезжали куда на праздники?

— Куда мне ехать... Три пирожка с луком и яйцами. — Протянула деньги, и рука задрожала — Зоя Сергеевна испугалась, что пирожков нет, и тогда обратно она уже не дойдёт...

Витя тряхнул головой, выдвинул один из деревянных лотков, надел на руку полиэтиленовый мешочек и зачерпнул в него три пирожка.

— Пожалуйста. Ещё тёплые. — Принял деньги, горстку монет, стал считать.

— Тут без сдачи. — Зоя Сергеевна заранее набрала нужную сумму, несколько раз проверяла.

— Ага, спасибо. Ну, здоровья вам.

Понесла пирожки домой, забылась и глянула на то место, где месяц назад зеленела высокая и пушистая ёлка. Теперь там стояло что-то бледно-зеленое, покрытое снегом.

На секунду Зое Сергеевне показалось: время открутилось на много-много лет назад, когда ёлка ещё была маленькой, и сейчас её встретят в избе муж, сыновья-школьники. Обрадуются пирожкам. Даже успела пожалеть, что купила три, а не четыре...

Подошла ближе. Это была искусственная ёлочка. Кое-где висели нити золотого дождя, а к одной из веток была прикреплена проволочкой бумажка.

Зоя Сергеевна сорвала её, стряхнула снег. Прочитала, отводя бумажку подальше от дальних глаз:

“Бабушка Зоя, мы очень сожалеем, что твою ёлку срубили. Мы даже не веселились, когда увидели её на площади. Мы дарим тебе нашу ёлку. Пусть она здесь стоит. Она не вырастет, но будет. Дети”.

Наверное, нужно было заплакать. Но ей не плакалось. В груди было пусто и темно... Смяла бумажку, сунула в карман пальто. Пошла дальше. Пирожки остывали.